

Научная статья
УДК 331.101:316.752
<https://doi.org/10.24158/fik.2021.6.6>

Труд и благотворительность в системе ценностей бурят

Цындыма Цымпиловна Анандаева

Забайкальский государственный университет, Чита, Россия, AnandaevaTS@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-0770-5102>

Аннотация. Цель исследования – раскрыть общечеловеческие категории «труд» и «благотворительность» через своеобычность национального восприятия мира и систему ценностей бурятского этноса. Подлинный смысл труда, богатства, благотворительности сегодня так же актуален, как и во времена, когда буряты имели традиционный уклад жизни и вступали в новые исторические эпохи. Научная новизна исследования состоит в том, что раскрывается гуманистическая направленность труда и благотворительной деятельности, их социализирующий и интегрирующий потенциал, анализируется ряд конкретных проблем взаимосвязи двух этих понятий. В результате исследования установлены причины и принципы формирования мотивации труда и благотворительности, рассмотрены всеобщие – объективные и субъективные – условия процесса становления целостной личности. Многоаспектность реализации труда и благотворительности исследована в связи с социальными и культурными факторами, определившими их особую роль и место в бурятской этнической традиции.

Ключевые слова: благотворительность, бурятский этнос, интегрирующий потенциал труда, социализация личности, труд, трудовые традиции

Для цитирования: Анандаева Ц.Ц. Труд и благотворительность в системе ценностей бурят // Общество: философия, история, культура. 2021. № 6. С. 36–42. <https://doi.org/10.24158/fik.2021.6.6>

Original article

The Buryats' Value System of Labor and Charity

Tsyndyma Ts. Anandaeva

Transbaikal State University, Chita, Russia, AnandaevaTS@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-0770-5102>

Abstract. The aim of the study is to reveal the universal categories of "Labor" and "Charity" through the peculiarity of the national perception of the world and the Buryat ethnos' value system. The intrinsic meaning of labor, wealth and charity is as relevant today as it was when the Buryats had a traditional way of life and were entering new historical eras. The study's scientific novelty lies in the fact that it reveals the humanistic orientation of labor and charitable activities, their socializing and integrating potential, and analyses a number of specific problems of the relationship between these two concepts. As a result of the study, the reasons and principles of the formation of labor motivation and charity are established, general – objective and subjective – conditions of the process of formation of an integral personality are considered. The multidimensionality of the implementation of labor and charity has been investigated in connection with social and cultural factors that determined their special role and place in the Buryat ethnic tradition.

Keywords: Charity, Buryat ethnic group, integrating labor potential, personality socialization, labor, labor traditions

For citation: Anandaeva Ts.Ts. The Buryats' Value System of Labor and Charity // Society: Philosophy, History, Culture. 2021. No. 6. P. 36–42. (In Russ.). <https://doi.org/10.24158/fik.2021.6.6>

Введение. Актуальность настоящего исследования определяется тем, что в социальной философии и в ее критических интерпретациях не раз поднимался вопрос о культуре труда и благотворительности: с одной стороны, ученые пытались найти основания, на которых будет формироваться отношение к труду как к ценности, возвращающей человека из пространства физического выживания и потребления в пространство культуры, где труд и благотворительность – средство не только жизнеобеспечения, но и созидания, а с другой – анализ рассматриваемых понятий базировался на таком, казалось бы, чисто эмпирическом фундаменте, как национальная парадигма труда. Однако же с точки зрения перспектив самой социальной философии важнейшими оказались не только и не столько национальные трудовые традиции и благотворительность, сколько социальные трансформации и переоценка системы ценностей. Не остается неизменной и система базовых ориентиров этнического социума. Теория труда и благотворительности, бывшая раньше одной из опор постмарксизма, стала предметом обсуждения в дискуссиях о

социальной политике, идеологии эгалитаризма, социальной и экономической справедливости [1]. Не будет преувеличением сказать, что проблема формирования мотивации к труду и благотворительности является одной из наиболее актуальных в системе общественных наук. Интерес к ней обусловлен тем, что именно с формированием модели государства благосостояния связаны надежды на упрочение стабильности существования, установление принципиально новых отношений между обществом и государством, между различными социальными слоями.

На этапе современности в общественных науках снова были реабилитированы и в аналитическом, и в нормативном отношении понятия «труд» и «благотворительность». Они стали рассматриваться в качестве знаковых составляющих современной культуры.

Частью дискуссий о труде и благотворительности стала проблематика трудовой миграции, социальной безопасности и этничности. Растет социальное неравенство, и в рамках установок на материальные ценности всем, не успевшим победить в условиях рыночного отбора, внушается их несостоятельность, неприспособленность к современным условиям, неуспешность.

Обозначенные аспекты проблемы указывают на необходимость социально-философского исследования феномена труда и благотворительности в контексте этнической культуры. Достижение цели исследования предполагает выполнение следующих задач, среди которых: во-первых, анализ и интерпретация категорий «труд» и «благотворительность» в контексте этнического мировоззрения; во-вторых, обоснование значимости трудовой и благотворительной деятельности в социализации личности и интеграции общества; в-третьих, раскрытие социально-гуманистического аспекта труда и благотворительности, обнаруживающих линии пересечения и заметную взаимообусловленность. Для реализации поставленных задач использовался разнообразный теоретический материал (социально-философский [2], исторический [3], биографический [4], религиоведческий [5], этнографический [6]).

Основными методами исследования были избраны социально-философский, исторический, системный анализ.

Практическая значимость работы состоит в возможности использования ее результатов в разработке теоретических и практических курсов по социальной философии, этнопсихологии, бурятской этике и другим смежным социогуманитарным направлениям.

Труд как основа формирования целостной личности и нравственного самосознания народа. Духовно-нравственная атмосфера жизни каждого этноса формируется исторически как результат и объективное отражение многочисленных перипетий его хозяйственного, социокультурного и политического опыта. Уклад жизни, окружающая среда, типы хозяйствования, трудовая деятельность, обычаи определяют не только условия процесса воспитания подрастающего поколения, но и его содержание. Бурятская семья всегда придавала огромное значение процессу трудового воспитания, считая необходимым понимать его как дело жизни, поскольку в нем воплощается существо самого человека. Эта идея содержится в формуле: «Хүн болохо багаһаа, хүлэг болохо унаганһаа» («Человеком становятся уже с детства, рысаком – с жеребенка»). Установка на труд в бурятском мире – удивительное явление. Согласно ей труд необходим человеку не только для достижения практических целей, но и для того, чтобы стать для него источником нравственной силы и потомственного достоинства.

В бурятской семье осуществлялся дифференцированный подход к мальчикам и девочкам в процессе их трудового обучения и воспитания. В этой связи сразу же заметим, что все виды трудового обучения и воспитания, применяемые к детям, уже учитывали будущие различия мужского и женского труда.

Неоспоримая заслуга в формировании основных жизненных идеалов детей принадлежит родителям. Бурятская мудрость гласит, что родители, прививающие своим детям навыки трудолюбия, обеспечивают их лучше всякого наследства. Отсюда, кстати сказать, нравственный императив: «Үхи хүүгэдөө бороор хургаха» (бур. боро – серый, перен.: «воспитывать детей выносливыми и неприхотливыми»). О высоком статусе и престиже традиционных категорий конструктивно-деятельностного потенциала человека свидетельствуют смысловые вербальные формы: «Долоон голтой хүн» («У него семь жизненных центров (аорт)»), «Алтан гартай хүн» («У него золотые руки»), до сих пор бытующие у бурят в позитивном, похвальном контексте. Напротив, значения слов «бирагуй», «һогногор», «һула», «һүлгүй», «тулюур», «ядуу» имеют смысл какой-то ущербности и незрелости человека, отсутствия у него внутреннего стержня. Также речь может идти об уровне мастерства, в котором конституируется значение «дүй дүршэл» («опыт, навык, сноровка»), и о другом, низком уровне мастерства – «дүй муутай» («неумелый, неискусный, беспомощный»).

Утверждая, что труд – нечто первостепенное в воспитательном процессе, народная мысль признает, что известная связь между трудолюбием и честью имеет место: «Нэрээ хухаранхаар, яһаа хухаран дээрэ» («Чем опозорить имя, лучше кости поломать»); «Эрхые хуранхаар, бэрхые

нура» («Чем привыкать к нежностям, лучше научиться труду»); «Ажалша хүн нэрээ нэмээхэ, аашатай хүн хүндээ буураха» («Труженик приумножает свою честь, легкомысленный человек теряет уважение»). Иногда выражениями «һэлэн хатарха» («бесполезно бегать»), «хайша хэрэг юумэ хэхэ» («делать кое-как») характеризуется беспринципное, безответственное отношение не только к труду, но и к жизни.

В представлениях о труде, сформировавшихся в ходе деятельности многих поколений бурят-скотоводов, систематических наблюдений за процессом труда, фазами его начала, продолжения, завершения и т. д., нас особо интересуют не их конкретные и, вероятно, неповторимые своеобразные регламентации, а всеобщие воспитательные интенции, которые делают эти представления требованиями и благодаря которым конституируются специфические этнические качества, обусловленные трудовой сферой.

Прояснению сути труда посвящены следующие формулы: «Түргэн түүхэй, удаан дамай» («Что сделано в спешке, то непрочное, что сделано постепенно, то прочно», дословно: «Скорый – сырой, долгий – надежный»); «Нураһан юумэ нураар татуулхагүй» («К чему привыкнешь, от того и ремнем не оторвешь»); «Ехээр хэхэ гээ һаа багаһаань эхилэ» («Хочешь много сделать – начинай с малого»); «Мүнөө хэхэ юумээ үглөө бү болго» («Что можно сделать сегодня, не откладывай на завтра»); «Түмэрэй халуун дээрэ дабта» («Куй железо, пока горячо»); «Эхилбэл – дууһаха хэрэгтэй, бэдэрбэл – олохо хэрэгтэй» («Начал – надо довести до конца, ищешь – надо найти»); «Үдэрөө гээһэн үглөөнь гэмшэхэ» («Сегодня день потеряешь, завтра расквасешься»).

Реализация требований, заложенных в представленных выше высказываниях, обеспечивает воспитание определенных личностных качеств, значительную сформированность и прочность каркаса этнической концепции труда, содержащего в себе элементы многовековых трудовых традиций.

Обосновывая нравственную допустимость положительного отношения к богатству и предприимчивости, старшие давали наставления младшим: «Ажал хэрэгээ амжалтаар шэмэн ябагты» («Свои дела украшайте (подкрепляйте) достижениями»); «Хара хүлһөө гаргажа, хамаг юумээ ологты» («Добро наживайте свое потом») и т. д. При этом хозяйственный или коммерческий успех они относили не столько к врожденным качествам – сметливости и находчивости, сколько к особым усилиям в организации труда, предприимчивости и опыту. Таким образом, старанию, рачению и упорству («шармайлга») принадлежит главная роль в результатах труда: «Наймаа найман хүлтэй, наймаашан хоер хүлтэй» («Торговля имеет восемь ног, торговец – две ноги»); «Оролдоһон хүн олзо олохо» («Кто старается, найдет счастье»); «Ажал хэхэдэ – ама тоһодохо, ажалгүй нуухада – аяга хоһодохо» («Потрудишься – рот в масле, не потрудишься – пусто в чашке»); «Мал хараһан – ама тоһодохо» («Будешь ухаживать за скотом – будешь всегда сыт»); «Унаһан малгайгаа абангуйгөөр хүдэлхэ» («Работать, не поднимая упавшей шапки»); «Хүдэлмэридэ хүдэржэхэ, ажалда атаржаха» («В работе крепнуть – в деле процветать»).

К этому важнейшему положению добавляются некоторые уточнения. Отношение к труду не исчерпывает его целостной сущности. Но при этом различия в таких отношениях могут быть поставлены в связь с моральными установками: «Хүдэлжэ олоһон – хүдэр бүхэ» («Заработанное крепко лежит»); «Хүдэлмэришэ хүнэй хүлһэн гоожохо, хомхой хүнэй шүлһэн гоожохо» («У работника течет пот, у жадины текут слюны»); «Ажалша хүн арад зондоо хүндэтэй, хүдэлмэришэ хүн хүн зондоо туһатай» («Труженик достоин уважения, трудящийся человек полезен народу»).

Умудренный житейским опытом глаз простого бурята издавна очень строго отличал благоприобретенное богатство от неправедно нажитого. Этот опыт обнаруживается в пословицах и поговорках. И не только отрицательный, но и позитивный, побуждающий не поступаться честью и совестью ради благополучного, безбедного существования: «Үлүү хараад, булуу химэлхэ» (букв.: «Пожелал большего – поглотил кости; погонишься за большим, потеряешь последнее»); «Худал охор хүлтэй юм» («У лжи короткие ноги»); «Хулууһан хүн хоер нугэлтэй, хулуулгаһан хүн хорин нугэлтэй» («На укравшем два греха, на потерпевшем – двадцать»); «Зүү хулууһан – гүү хулууһа» («Кто украдет иголку, тот украдет и кобылу»); «Булхайлжа эдһэн булшангаараа гараха» («Неправдой нажитое через икры выходит»); «Хүлһэ гаргангүй олоһон юумэн хүнэй зөөри болохогүй» («Легко нажитое не будет богатством»); «Хүнгэн олзо – хөөһэн, бэлэн зөөри – бүлхин» («Легко добытое – пена; готовое имущество – жила») и т. д. Это призыв к тому, чтобы честно трудиться, полагаясь на свое ремесло, вместо того чтобы любыми путями, ценой своего человеческого достоинства добывать себе пропитание.

Жизнь человека труда всегда была на виду, известно, с какой решительностью он отстаивает свое достоинство, с каким рачением он относится к делу, проявляет творческую активность и дисциплинированность, а поэтому в народном сознании сложился устойчивый образ уверенного в себе человека и даже человека жизнестойкого, несмотря на все перипетии жизни.

Уровень мастерства, отношение к труду (трудоспособность, целеустремленность, настойчивость) включаются в трудовые заслуги, совокупный результат труда составляет жизненный успех человека. Таким образом, жизненный успех не случайность, а достижение самого человека. И это очень важный тезис для нашего времени. Не следует уповать на счастливое стечение обстоятельств, дары судьбы, но самому нужно честно и мужественно идти навстречу удаче. Напротив, есть категория людей, за которыми уже прочно закрепилась репутация вертких бездельников, потерявших стыд и совесть, не говоря уже о способности пойти на самые подлые поступки ради того, чтобы быть сытым и пристроенным в жизни. Подчеркивается, что различные аспекты этических содержаний (например, различие честного и обманного, достойного и унижительного, плодотворного и никчемного) в этом случае остаются в стороне, ибо они не интересуют человека, занятого чисто меркантильными переживаниями. Также утверждается, что без воли ничто в жизни человека не состоится – ни богатство, ни уважение, ни карьера: «Үгырхэ баяжаха хоер үбэл зун хоертол» («Обеднеть и разбогатеть, словно зима и лето»); «Хооһон тогоон хонгироошо, хубхай амитан наймһарааша» («Пустой котел больше гремит, пустой человек подлизывается»); «Үгытэй хүн үнэгүй» («Бедняк неуважаем»); «Үгырхэгүй – баян эрдэмһээ» («Быть безбедным – от хорошего знания»).

В основе этических учений бурят лежит идея об уязвимости самой природы человека, его подверженности разного рода соблазнам, сопровождающим его и встроенных в единство жизненного цикла. Суть дела усматривается вот в чем: несовершенство и слабость человеческой природы, конечно же, не сбрасываются со счетов; однако не в них корень зла, а в излишней самоуспокоенности. Это лень, стремление к праздности и безделью. Казалось бы, в таких условиях человек обречен на подчиненное положение в жизни. Между тем труд понимается в такой превращенной системе ценностей как тяжкое наказание, переживается как непосильное бремя, освобождение от которого и дает человеку счастье. Тот, кто привык к праздному образу жизни, не стыдится своей лени и никчемности.

Многие проблемы людей имеют внутренние причины, над которыми необходима тщательная работа. Народная мысль вскрывает те человеческие качества, которые препятствуют развитию личности, превращая ее жизнь в пассивное и безответственное существование: «Залхуугай гэртэ түлээн үгы, залгидагай гэртэ эдээн үгы» («Во дворе лентяя нет дров, в доме прожорливого нет еды»); «Залхуу хүнэй тогоон хооһон» («У бездельника котел пуст»); «Залхуу хүн зайгааша» («Бездельник – бродяга»).

Раскрывая смысл нравственного учения бурят, важно делать проекции на современные ситуации, не только выявляя исторические координаты размышлений, но и подчеркивая общечеловеческое, непреходящее содержание этических категорий в учении бурятского этноса.

Интегративный потенциал трудовых традиций бурят. Сознательное отношение бурят к труду вырастает из естественного, органичного порядка жизни. Трудовая деятельность этого этноса исторически связана с циклическим (круглогодичным) пастбищным скотоводством, разведением крупного рогатого скота, лошадей, верблюдов, овец и коз, получивших общее название «табан хушуун мал» («пять видов скота»). Трудовой цикл населения был неразрывно связан с природно-климатическими условиями. Скот являлся основой существования бурят, мерилом богатства, средством платежа, важнейшим товаром. Тонкое и вместе с тем глубокое замечание относительно ценности пяти видов скота в традиционном бурятском обществе делает Ж.Т. Тумунов: «Считалось счастьем, – пишет он, – если хозяин имеет стадо, состоящее из животных всех пяти видов домашнего скота... Такой хозяин имел коня для езды, корову с приплодом на молоко и мясо, овцу на мясо в период сенокоса, шерсть и овчину на одежду» [7, с. 74]. Ясно, что эта область хозяйственной практики требовала особых знаний по уходу и содержанию каждого вида скота, а значит, и многообразных приемов и способов конструктивизации деятельности, соответствующей технологии производства и переработки мяса, молока, шкуры, кожи, шерсти.

Наконец, совместное выполнение трудоемких хозяйственных работ, которое, требуя строго производственной методологии и нравственной ответственности, утверждало ощущение причастности к общему делу, обеспечивало повседневные контакты и взаимопонимание с членами трудовой ассоциации, – фактор, во многом определивший «лицо» бурятского этноса. Если речь идет о мужском труде, считается возможным говорить об объединении усилий для осуществления таких ответственных операций хозяйственного цикла, как, например, перекочевка, заготовка сена, сбор урожая и т.д. Объединение усилий женщин может произойти при выполнении ими следующих работ: выделка кожи, стрижка овец, катание войлока и т.д.

В цикле работ Л. Линховойна, посвященных материальной культуре агинских бурят, одна имеет подзаголовок «Домашнее ремесло. Обработка кожи и шерсти». В ней автор показывает, что многие хозяйственные занятия предполагали высокую степень интеграции труда: «Вся ра-

бота по обработке шерсти и производству войлока выполнялась сообща с помощью родственников и соседей – это было событие и повод собраться вместе не только ради работы» [8, с. 217]. Только совместные усилия позволяли осуществить эти чрезвычайно сложные для одного человека операции. Можно даже говорить о трудовой ассоциации как «большой семье», сплоченной и единой на основе естественных человеческих чувств, прежде всего уважения к труду, исключаящего праздность и безделье. Ту же атмосферу, как известно, создавали и в семье.

Богатство и предприимчивость в контексте религиозно-нравственных представлений и благотворительной деятельности бурят. Отношение бурят к благотворительности вскрывает не менее значимый мировоззренческий пласт их коллективного сознания – именно здесь обнаруживаются наиболее важные, связанные с практической деятельностью убеждения человека. Труд в понимании бурят связан с категориями «богатство», «достаток». За этим концептом следует благотворительность. Однако очень важно понять, что же движет людьми, обладающими богатством, при осуществлении благих дел. Насколько самозабвенно и искренне человек стремится к тому, чтобы восторжествовала идея справедливости, или насколько невозможно человеку оптимально осуществить благие замыслы, поскольку его беспокоят лишь стремление к богатству любыми путями, к славе, к почестям, к выгоде, или насколько совместимо благодеяние с реалиями сегодняшней жизни – таких вопросов будет немало. Народная этика не отрицает богатства и не прославляет бедность – ведь подлинное богатство добывается неустанным трудом, а бедность происходит от бездействия. Чем является для человека богатство – средством осуществления благих целей (помощи родным, своему народу) или, наоборот, он не способен держать судьбу в своих руках, становясь пленником своего богатства? Тот, кто добывает богатство нечестным путем, тот, как считается в народе, и тратит его без пользы: «Харамнаһан юумэн хара нохойн аманда орохо» («Что пожалеешь, то попадет в пасть черной собаки»).

Немалое значение имеет тот уже упомянутый факт, что бурятам не свойственно стремление к накопительству. Им ненавистны такие черты характера, как жадность, алчность, зависть: «Харуу хүнэй хутага мохоо байдаг» («У скупого человека и нож бывает тупым»); «Харуу хүн хойто наһандаа үгэтэй ядуу ябадаг» («Скаредники в будущей жизни рождаются бедняками»); «Харуу хүнэй һанаан дүүрэдэггүй, хара нохойн гэдэһэн сададаггүй» («У жадного душа ненасытна, а у злой собаки – брюхо»). Подлинное богатство добывается знанием, умением, честным трудом: «Хочешь быть богатым – учись ремеслу. Богатство со временем иссякает, а умение – нет».

Важно заметить, что в бурятском языке существует много дефиниций и фразеологических единиц, выражающих свойства характера и интенции человека в отношении к материальным ценностям. Слово «шунахай» имеет значения: 1. Алчный, жадный, корыстный. 2. Хищный, кровожадный [9]. Все они проистекают из семантики слова «злоупотреблять». Примером его использования является выражение «шунахай сэдхэлтэй», приблизительно соответствующее русскому «быть падким до чего-либо». Такова еще одна фиксируемая народом бурят грань темы труда.

Проблемы морали, социальной справедливости, личной ответственности в дискурсе бурятского мировидения содержат в себе образцы этической парадигмы буддийской философии. Этот нравственный смысл жизни человека становится условием ее полноты. Уместно спросить: как преодолеть жесткое противоречие между активным занятием предпринимательством и буддийским благочестием, стремлением к богатству и моральным принципом умеренности? Представляется, что для этого имелись не только экономические, психолого-престижные и карьеристские предпосылки. Люди, которым удавалось найти рациональную формулу комбинирования материальных и духовных ценностей в конкретных обстоятельствах жизни, заслуживали уважения как со стороны окружающих, так и в последующих поколениях потомков. Примером подобного вывода может служить то, что в структуре бурятского этнического сознания концепт «үйлын үрэ» (кармическое воздаяние) (бур. үрэ – 1. Плод, семя, зерно. 2. Результат, следствие, продукт; бур. үйлэ – 1. Дело, действие, поступок. 2. рел. Деяние. 3. Беда, несчастье. 4. Математическое действие [10]) выступает в качестве принципа этической обусловленности. Он является своего рода конституирующим в жизненной философии, а совесть, твердое слово, честь – не только его применением в частных случаях жизни, специфических актах конкретного индивида (действие), но и гарантией благоденствия и преуспевания его потомков (воздаяние). В торгово-деловой сфере именно тем, кто живет воздержанно, кто не тратит денег впустую, кто следует строгим нормам буддийской морали, доверяют и готовы с ними сотрудничать. Существовало множество пословиц о твердом слове: «Хэлэһэн үгэдөө хүрэхэ, эхилһэн ажалаа бүтээхэ» («Дал слово – надо сдерживать, начал работать – надо довершать»); «Хэлэһэн үгээ һанажа ябабал, эндүүрхэгүй, хэһэн ажалаа танижа ябабал, зобохогүй» («Если помнить об обещанном слове – не ошибешься, если поднатореть в своем деле – не будешь бедствовать»).

Утверждение духа солидарности и социальной справедливости было обусловлено традиционными основаниями, и важная заслуга в процессе реализации благотворительности принадлежит этической и правовой системам. В рамках бурятского общества обязанность помогать сиротам и вдовам была «узаконена» на уровне общественного сознания.

Важно для бурятской традиции и следующее: наличие потребности самой личности делать пожертвования в пользу общества совершенно не зависимо от того, насколько успешно ее продвижение в делах или стабильно финансовое положение.

Примечательна в отношении благотворительности история выдающегося бурятского ученого-востоковеда, путешественника и общественного деятеля Гомбожаба Цыбикова, удостоенного высшей награды Русского географического общества – золотой медали и премии Н.М. Пржевальского. Его успешная научная карьера стала возможной во многом благодаря тому, что земляки-агинцы финансово участвовали в строительстве Читинской гимназии, в которой он получил блестящее образование [11, с. 21].

Известно много фактов крупных пожертвований бурят в пользу буддийских монастырей, больниц, гимназий и школ. Для военных периодов истории страны характерны благотворительные акции бурятского населения в виде сбора денежных средств в фонд обороны, в том числе и в целях обеспечения фронта и оборонных промышленных предприятий различными видами промышленного и сельскохозяйственного сырья [12].

Заключение. Возвращаясь к оценке места труда и благотворительности в структуре ценностей бурятского этноса, можно сформулировать пять основных положений.

Во-первых, эта форма культуры труда, осуществляющая функции социализации, а потому поддающаяся регулированию обществом, была типологически совместима с духовно-нравственным воспитанием, о чем бы ни заходила речь – об оценке результатов труда, основных жизненных идеалах, характеристике человеческих качеств.

Во-вторых, в отличие от других видов деятельности, основанных на индивидуальном устремлении, труд и благотворительность опираются на интегрирующую функцию. Причем следует иметь в виду, что под интеграцией понимается здесь не только взаимопомощь, но и любые другие внешние средства: элемент социального инвестирования; механизм формирования социально ответственного бизнеса; средство социальной реабилитации наиболее уязвимых категорий населения; инструмент разрешения возникающих проблем.

В-третьих, труд и благотворительность являются особыми социокультурными феноменами, обусловленными традиционными основаниями и отражающими социальную мобильность и гражданскую активность бурят на основе принципов личной ответственности, солидарности и социальной справедливости.

В-четвертых, труд и благотворительность не просто укладываются в систему ценностей бурят, но и соответствуют той общей интенции, которая стоит за формированием целостной личности как таковой: обеспечить возможность полноценной социальной жизни в той сфере, которая затрагивается данными видами деятельности. Особо востребованной стала буддийская философия, обогатившая бурятскую культуру системой базовых ориентиров, пытаясь противопоставить ее миру стяжательства, наживы и бездушного потребления. Благодаря такому пониманию труд и благотворительность для бурят выступают средством воспитания и лекарством от социальных болезней общества. Своеобразным «ограничителем» лени, праздности, безделья и других пагубных привычек выступает этнопедагогика.

В-пятых, все сказанное позволяет еще раз сжато сформулировать суть труда и благотворительности как положительно ориентированной практической жизнеустроительной деятельности, определить их актуальность в современной бурятской культуре и уточнить, в чем их отличие от представлений других этносов. Суммируем главные моменты, касающиеся труда и благотворительности бурят и демонстрирующие способ их этнического мировидения: умение ставить цели и с четкой последовательностью добиваться их осуществления, неизменно сохраняя чувство собственного человеческого достоинства. Разумеется, это удается далеко не всем. Суровые природно-климатические условия и особенности кочевой жизни определили жесткую требовательность к результатам труда, дисциплинированность, выносливость, непритязательность рассматриваемого этноса. Трудолюбие характеризуется бурятами как добродетель, залог материального благополучия, понимается как своеобразный гарант благосостояния семьи, близких людей.

Изучение общих закономерностей и различных нюансов феноменов труда и благотворительности позволяет не только лучше представить их современное состояние, но и наметить возможные тенденции их будущего развития. Перспективы дальнейшего исследования проблемы мы видим в более детальном изучении подобных прогнозов.

Список источников:

1. Сидорина Т.Ю. Социальная политика – попытка философской интерпретации // Вопросы философии. 2005. № 12. С. 20–29.
2. Там же.
3. Буряты : монография / отв. ред. Л.Л. Абаева, Н.Л. Жуковская. М., 2004. 633 с. ; Громыко М.М. Отношение к богатству и предприимчивости русских крестьян XIX в. в свете традиционных религиозно-нравственных представлений и социальной практики // Этнографическое обозрение. 2000. № 2. С. 86–99 ; Михеев Б.В. Благотворительность бурят в годы Первой мировой войны // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 11 (266). С. 119–122 ; Тумунов Ж.Т. Очерки из истории агинских бурят. Улан-Удэ, 1988. 176 с.
4. Доржиев Ж.Д., Кондратов А.М. Гомбожаб Цыбиков. Иркутск, 1990. 236 с.
5. Гальшиев Э.Х. Зерцало мудрости. Памятник бурятской литературы начала XX в. Улан-Удэ, 2006. 352 с.
6. Линховоин Л. Лодон багшын дэбтэрхээ. Улан-Удэ, 2014. 464 с. ; Тумунов Ж.Т. Этнопедагогика агинских бурят. Чита, 1998. 162 с.
7. Тумунов Ж.Т. Очерки из истории агинских бурят ...
8. Линховоин Л. Указ. соч. С. 217.
9. Бурятско-русский словарь : в 2-х т. / сост. Л.Д. Шагдаров, К.М. Черемисов. Улан-Удэ, 2010. Т. 2: О–Я. 708 с.
10. Там же. Т. 1: А–Н. 636 с.
11. Доржиев Ж.Д., Кондратов А.М. Указ. соч. С. 21.
12. Михеев Б.В. Указ. соч. ; Тумунов Ж.Т. Очерки из истории агинских бурят ...

Информация об авторе

Ц.Ц. Анандаева – кандидат философских наук, доцент кафедры философии Забайкальского государственного университета, Чита, Россия.

Information about the author

Ts.Ts. Anandaeva – PhD, Associate Professor, Department of Philosophy, Transbaikalian State University, Chita, Russia

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 20.05.2021;
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 04.06.2021;
Принята к публикации / Accepted for publication 10.06.2021.